

А.А. Леонтьев

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ОБРАЗ МИРА¹

Как известно, «язык есть практическое ..., действительное сознание» [Маркс, Энгельс 1955: 29]. За этим высказыванием Маркса и Энгельса стоит мысль о соотношенности сознания как философско-психологического феномена и языка как социальной системы, части социального опыта народа и человечества в целом. С другой стороны, и психологу, и философу совершенно ясно, что язык не является ни демиургом, ни содержанием сознания. Как совершенно правильно комментирует процитированную мысль Маркса и Энгельса А.Н. Леонтьев, «то, в чем и при помощи чего, существует сознание общества, есть язык» [Леонтьев 1988: 8]. Именно – в чем и при помощи чего! И не более.

Леонтьев продолжает, излагая Выготского: «Сознание имеет языковую, речевую природу ... Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания» (имеется в виду языковое, вербальное значение).

Сознание при этом понимании является знаковым.

Другой вариант, предлагаемый самим Леонтьевым: «значение предмета как единица сознания!», «Орудие и то, на что направлено орудие, – мир созданных человеком предметов – вот где нужно искать ключ к человеческой психике, к сознанию человека» [Там же: 14, 17, 19]. При этом понимании сознание имеет супразнаковый характер.

Надо, правда, сказать, что эту мысль – о значении предмета как единицы сознания – можно встретить кое-где и у Выготского». Например: «В игре ребенок оперирует значениями ..., неотрывными от реального действия с реальными предметами» [Эльконин 1968: 293].

Так или иначе, в мировой философской, психологической и лингвистической литературе можно найти два взаимоисключающих подхода к соотношению языка и сознания. Согласно одному из них, единицей сознания, тем, чем и при помощи чего существует сознание, является система вербальных, словесных значений и обслуживающих эти значения разноуровневых коммуникативных средств. Проще: система языковых знаков. Отсюда все неогумбольдтианство, включая теорию лингвистической относительности; отсюда лингвистическая философия, общая семантика и другие неопозитивистские трактовки языка. Согласно другому подходу, единицей сознания является предметное значение, а язык в этом случае понимается как система значений, могущих актуализироваться и в вербальной форме.

Значит, эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру – значит попадать в порочный круг.

Не анализируя общепринятой сейчас деятельностной природы сознания, выделим только одну проблему. Это то, что А.Н. Леонтьев называл двойной жизнью значений, которые, с одной стороны, входят в социальный опыт или социальную

¹ Впервые опубликована в коллективной монографии "Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16-21.

память общества, с другой, составляют неотъемлемую часть внутреннего, психологического мира каждой отдельной личности [Леонтьев 1972: 136; Леонтьев 1976: 49]. «В действительности эти две стороны значения связаны разнообразными генетическими и функциональными связями. При этом каждая из них оказывается включена в свою систему, своеобразным мостиком между которыми и выступает значение.

Естественно, изолированное значение, будь оно вербальным или предметным – это абстракция. Человек стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений. И в первом, когнитивном, и во втором, коммуникативном плане следует разделять непосредственно содержательные связи между значениями (примером являются синонимы и антонимы в языке) и маргинальные структуры, позволяющие человеку эффективно оперировать значениями. В первом случае это когнитивные схемы, закрепленные тем или иным способом или полностью перешедшие во внутренний план способы и приемы решения познавательных задач; во втором – это язык в его традиционно-лингвистическом понимании, т. к. языковая система, – иерархическая система языковых средств от дифференциальных признаков до сверхфразовых единиц. В нашем понимании это, как мне уже приходилось писать ранее, – система операторов, позволяющих перейти от значения к целостному тексту.

Если понимать язык как единство общения и обобщения, как систему значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то «языковое сознание», сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями, оказывается близким к тому пониманию, которое современная советская психология вкладывает в понятие «образа мира». Прежде чем перейти к анализу этого последнего, я считаю необходимым подчеркнуть, что это понятие отнюдь не тождественно ни понятию «языковая картина мира», ни понятию «когнитивная картина мира» [РЧФЯ 1987].

Образ мира, как он понимается сегодня психологами [Леонтьев 1983; Смирнов 1985; Зинченко 1983; Величковский 1983], – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии.

Начнем с того, что мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира. Человек не «номинарует» чувственные образы, – предметные значения есть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что опосредует само существование этих образов.

Наиболее непосредственная ситуация встречи человека с миром – это непрекращающееся движение сознания в актуально воспринимаемом образе мира. Каждый из нас, воспринимая мир через образ мира, постоянно переносит светлое поле внимания с одного предмета на другой. Таким образом, в нашем образе мира, а вернее в том его ситуативном фрагменте, с которым мы в данный момент имеем дело, все время «высвечивается» отдельный предмет, а затем сознание переключается на другой – и так без конца. Но это непрерывное переключение сознания с одного предмета на другой предполагает одновременно переход предмета (его означенного образа) с одного уровня осознания на другой: в моем сознании существует то, что является объектом актуального сознания, и то, что находится на уровне сознательного контроля. Таким образом, движение сознания в образе мира имеет не планиметрический, а трехмерный характер. Сознание имеет глубину.

Но образ мира может быть не включенным в восприятие, а полностью рефлексивным, отделенным от непосредственного действия в мире, в частности восприятия. Такой образ мира может быть ситуативным, т. е. фрагментарным, — например, так может обстоять дело при работе памяти или воображения. Но он может быть и внеситуативным, глобальным: тогда это образ целостного мира, своего рода схема мироздания. Такой образ мира в собственном смысле всегда осознан, рефлексивен, но глубина его осмысления, уровень рефлексии могут быть различными. Предельный уровень такой рефлексии соответствует научному и философскому осмыслению мира.

Если в первом случае мы имеем дело с непосредственным сознанием мира, то во втором — это теоретическое сознание разного рода, свободное от связанности с реальным восприятием.

Все это время мы оставались в пределах индивидуально-личностного видения мира человеком, опосредованного личностно-смысловыми образованиями и прежде всего — личностными смыслами как таковыми. Но наряду с текучими, индивидуальными характеристиками эти личностно-смысловые образования имеют и некоторую культурную «сердцевину», единую для всех членов социальной группы или общности и как раз и фиксируемую в понятии значения в отличие от личностного смысла. Иными словами, можно наряду с индивидуальными вариантами говорить о системе инвариантных «образов мира», точнее — абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотносится со значениями и другими социально выработанными опорами (в частности, социальными ролями и социальными нормами, строго говоря, также относящимся к классу значений), а не с личностно-смысловыми образованиями.

С теоретической точки зрения таких моделей — инвариантных образов мира — может быть сколько угодно — все зависит от классовой и вообще социальной структуры социума, от культурных языковых различий в нем и т. д. В последнее время в психологии возникло даже понятие «профессионального образа мира», формирование которого является одной из задач обучения специальности (так, в диссертации И.Б. Ханиной анализировался образ мира врача). Особое место занимает инвариантный образ мира, соотносимый с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Думается, что если когда-нибудь наше общество дорастет до понимания необходимости создания особой психологической службы, ориентированной на изучение и регулирование национальных отношений, то без обращения к такому инвариантному образу разрабатывать эту проблематику будет очень сложно. Пора понять, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально; но мы имеем здесь в виду не научное, а бытовое сознание); видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа.

Однако очевидно, что эта национальная обусловленность образа мира, в пределах переходящая в национальную ограниченность сознания, может и должна быть в определенных ситуациях преодолена. Иначе говоря, мы должны уметь формировать тот образ мира, который соответствует социальным, политическим и культурным реальностям современной действительности. Понятие «нового мышления», в частности, предполагает именно изменения в образе мира как целостности.

Мы говорим о процессе воспитания как целенаправленном формировании личности человека в интересах социума и самого человека в единстве этих интересов. Процесс обучения – это, в свою очередь, процесс формирования инвариантного образа мира, – образа, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира. Такой инвариантный образ призван служить ориентировочной основой для эффективной целенаправленной деятельности человека в мире.

Формирование такой ориентировочной основы, однако, не ограничивается содержанием обучения. Оно должно включать в себя и правила перехода от ориентировочного звена деятельности к звеньям планирования, реализации и контроля. Но так или иначе, понятие образа мира весьма актуально и для педагогической психологии.

В заключение обращаюсь еще раз к уже цитированной в начале доклада работе А.Н. Леонтьева «Материалы о сознании», только что опубликованной в вестнике Московского университета, и закончу его словами:

«Проблема сознания встала перед нами... как проблема существенной связи между сознанием и создаваемым предметным миром...

... Особенность психики человека нужно искать в том факте, что отношения человека к миру опосредованы. Развитие психики человека имеет своей основой развитие этой опосредованности. Но орудие, предмет сами по себе суть вещи не психологические. Они становятся психологическим фактом лишь постольку, поскольку они определяют психические процессы. Как же они их определяют? Лишь как знаки и значащие вещи.

Следовательно: подобно тому, как орудие, промышленность строят мир человеческих предметов, так знак, т. е. то, что посредствует психические процессы человека, строит мир человеческого сознания».

Но, «чтобы исследовать сознание, нельзя ограничиться исследованием значений, нужно исследовать то целое, в котором «живут» значения...»

«Развитие значений само зависит от некоторых общих моментов сознания. Сознание отнюдь не есть только сумма или система значений, хотя значение есть форма сознания мира...» [Леонтьев 1988: 19, 23].

Литература

- Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т.3. – М., 1955. – С. 29
- Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения. // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С.49.
- Леонтьев А.Н. Материалы о сознании. // Психология № 3. – М.: Вестник МГУ, 1988. – С. 14.
- Эльконин Д.Б. Психология игры. – М., 1988. – С. 293.
- Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии №12. – 1972. – С. 136.
- РЧФЯ. Язык и картина мира. – М., 1987.
- Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. Т.П. – М., 1983.
- Смирнов С.Д. Психология образа. – М., 1985.
- Зинченко В.П. От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М., 1983.
- Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // Там же.